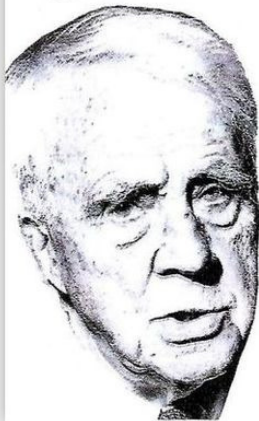

18+

ОБРАЗЫ

НА КОНЧИКЕ ПЕРА

МИХАИЛ МЕКЛЕР

поэтические переводы

Михаил Владимирович Меклер
Образы на кончике пера.
Поэтические переводы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54981702

ISBN 9785449874436

Аннотация

Лишь слогу русскому дано величие. Какой еще язык искусно может сочетать гармонию любви и перепевов птичьих, красиво и созвучно описать!

Содержание

На кончике пера	6
Вакханалия	8
Spleen	9
Любимой женщине	10
Le balcon	12
Захоронение	14
Sepulture	15
Враг	16
L'ennemi	17
Промелькнувшая мадам	18
A une passante	19
Треснувший колокол	20
La Cloche felee	21
статуя	22
La Beaute	23
Благородство	24
Elevation	25
Музей изобразительных искусств. Брейгель	26
Musee des Beaux Arts. Bregel	28
Памяти У. Б. Йейтса	30
In Memory of W. B. Yeats	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Образы на кончике пера

Поэтические переводы

Михаил

Владимирович Меклер

Михаил Меклер *Переводчик*

© Михаил Владимирович Меклер, 2020

© Михаил Меклер, перевод, 2020

ISBN 978-5-4498-7443-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

(Михаил Меклер переводы с иностранного языка.)

Шарль Бодлер. (Charles Pierre Baudelaire 1821—1867)

Уистон Хью Оден (Wystan Hugh Auden. 1907—1973).

Элизабет Бишоп (Elizabeth Bishop. 1911—1979)

Дантэ Габриэль Россети (Dante Gabriel Rossetti. 1828—1882)

Роберт Фрост (Robert Frost. 1874—1963).

Вильям Батлер Йейтс (William Butler Yeats. 1865—1939).

Лауреат Нобелевской премии (1923)

Фридрих Шиллер (Friedrich Schiller. 1759—1805)

Иосиф Александрович Бродский (Joseph Brodsky.
1940—1996)

Лауреат Нобелевской премии (1987)

На кончике пера (Михаил Меклер)

Преимственность ведет к стихосложению,
она помогает избегать клише,
что придает искусству двойное ускорение,
хранить увиденное в памяти, в душе.
Поэзия не баловство и даже не искусство,
это нашего языка, эволюционный маяк.
Овладев с детства языком, человек искусно
преследует цель генетики. Поэт есть маньяк!
В основном, человек не достигает полных знаний
и не научился нагружать свои фразы смыслом,
чтобы исцелять людей от всяческих страданий
и приносить им радость в чертах гуманизма.
В душу не зайдешь, пока не осознаешь строки,
никакая память не утешит в забвении плоть
и не сделает финал менее горьким,
пока не войдет по генам в кровь.
Наше общество, как безъязыкую семью,
везет без расписания поезд в никуда,
и только чтение поэзии дает стезю,
для прогресса умственного труда.
Стихи доступны огромной аудитории,
в финале читатель постигает откровение,
так как, стих полноценен в теории

и раскрывает деятельность разума и творения.
Поэзия использует ритм языка,
который сам по себе приводит к откровениям.
Во время чтения, поэт проникает в тебя
и когда закрываешь книгу, то с сожалением
не можешь чувствовать себя неистово.
В этом и заключается суть всей эволюции.
Ее цель, красота, порождкартечью. дающая истину
и, объединяющая разум, и чувства во времени.
Красота может быть воплощена только в словах.
Человек не способный к адекватной речи,
прибегает к насильственным действиям в делах,
расширяя словарь кулаками и картечью.

Вакханалия (Шарль Пьер Бодлер)

Когда облака, закроют небо словно люк,
а душу зажмёт горе со всех сторон,
то такой горизонт накроет всё вокруг,
настанет день, чернее ночи будет он.
Поверхность станет подземельем,
где надежда, как летучая мышь,
будет бить крыльями по стенам,
задевая потолок дырявых крыш.
Если дождь превратится в поток,
а в пространстве наступит крах,
люди будут похожи на пауков,
сплетая паутину в своих мозгах.
Внезапно зазвонят колокола,
окованные небеса начнут сотрясать,
блуждающие в них духи зла,
будут упрямо кричать и стонать.
При этом шуме наступит вакханалия,
память пролистает всё, что мы храним,
преодолевая жестокие страдания,
чёрный флаг взойдёт, где мы грешим.

Spleen

(Charles Pierre Baudelaire)

Quand le ciel bas et lourd p; se comme un couvercle
Sur l'esprit g; missant en proie aux longs ennuis,
Et que de l'horizon embrassant tout le cercle
Il nous verse un jour noir plus triste que les nuits,
Quand la terre est chang; e en un cachot humide,
Ou l'esperance, comme une chauve-souris,
S'en va battant les murs de son aile timide
Et se cognant la tete a des plafonds pourris,
Quand la pluie etalant ses immenses trainees
D'une vaste prison imite les barreaux,
Et qu'un peuple muet dinfames araignees
Vient tendre ses filets au fond de nos cerveaux,
Des cloches tout a coup sautent avec furie
Et lancent vers le ciel un affreux hurlement,
Ainsi que des esprits errants et sans patrie
Qui se mettent a geindre opiniatement.
– Et de longs corbillards, sans tambours ni musique,
Defilent lentement dans mon ame; l'Espoir,
Vaincu, pleure, et l'Angoisse atroce, despotique,
Sur mon crane incline plante son drapeau noir.

Любимой женщине (Шарль Пьер Бодлер)

Я помню мать свою – любимую из женщин,
но ты для меня то, что я люблю и чем живу.
Я буду помнить ласку и родную нежность,
уют домашний, очарование и красоту.
О, наши встречи, согретые камином,
балкон покрытый розовым туманом,
так сердце жгло и грудь твоя пьянила,
я слушал шепот слов твоих желанных.
Нас на закате согревало лето,
из бездонного сердца любовь струилась.
Ты царила под багровым светом,
я слушал, как в жилах кровь твоя бурлила.
Ночь была глухой и темной,
я встретил во мраке твой взгляд,
обнимая твои спящие ноги,
я пил твой сон, как сладкий яд.
Я помню счастливые минуты славы,
когда я целовал твои колени.
Не надо мне искать другой забавы,
я весь в твоей душе и теле!
Те клятвы и аромат лобзаний,
вернутся из призрачных глубин,
как солнца обновленное сияние,

всплывут со дна морских пучин.

Le balcon

(Charles Pierre Baudelaire)

Mere des souvenirs, maitresse des maitresse
O toi, tous mes plaisirs! O toi, tous mes devoirs!
Tu te rappelleras la beaute des caresses,
La douceur du foyer et le charme des soirs,
Mere des souvenirs, maitresse des maitresse!
Les soirs illumines par l'ardeur du charbon,
Et les soirs au balcon, voiles de vapeurs roses.
Que ton sein m'etait doux! que ton coeur m'etait bon!
Nous avons dit souvent dimperissables choses
Les soirs illumines par l'ardeur du charbon.
Que les soleils sont beaux dans les chaudes soirees!
Que l'espace est profond! que le coeur est puissant!
En me penchant vers toi, reine des adorees,
Je croyais respirer le parfum de ton sang.
Que les soleils sont beaux dans les chaudes soirees.
La nuit sepaississait ainsi qu'une cloison,
Et mes yeux dans le noir devinaient tes prunelles,
Et je buvais ton souffle, o douceur! O poison!
Et tes pieds s'endormaient dans mes mains fraternelles.
La nuit sepaississait ainsi qu'une cloison.
Je sais l'art devoquer les minutes heureuses,
Et revis mon passe blotti dans tes genoux.
Car a quoi bon chercher tes beautes langourees

Ailleurs qu'en ton cher corps et qu'en ton coeur si doux?
Je sais l'art devoquer les minutes heureuses!
Ces serments, ces parfums, ces baisers infinis,
Rena; tront-il d'un gouffre interdit a nos sondes,
Comme montent au ciel les soleils rajeunis
Après setre laves au fond des mers profondes?
– O serments! O parfums! O baisers infinis!

Захоронение (Шарль Пьер Бодлер)

Если в гнетущей, темной ночи,
ваше тело земле предадут
и при тусклом мерцании свечи,
вашу душу за упокой отпоют.
В это время под звездным небом,
сомкнутся тяжкие веки всех мирских,
паук начнет рисовать своим следом,
а гадюка снесёт детенышей своих.
Ты будешь слышать круглый год,
прискорбный, волчий вой
и видеть голодных ведьм приход,
над обреченной головой,
стон похотливых стариков
и гнусный заговор воров.

Sepulture

(Charles Pierre Baudelaire)

Si par une nuit lourde et sombre
Un bon chr; tien, par charite,
Derri; re quelque vieux d; combre
Enterre votre corps vante,
A l'heure ou les chastes etoiles
Ferment leurs yeux appesantis,
L'araign; e y fera ses toiles,
Et la vipere ses petits;
Vous entendrez toute l'annee
Sur votre tete condamnee.
Les cris lamentables des loups
Et des, sorcieres fameliques,
Les ebats des vieillards lubriques
Et les complots des noirs filous.

Враг

(Шарль Пьер Бодлер)

Юность пролетела в ненастье грозном,
я редко видел солнца яркий луч.
В моем саду погибли все плоды кругом,
а гром и дождь идут из черных туч.
Я должен сконцентрировать усилия труда,
равнять размытый грунт, не покладая сил,
не дать земле быть затопленной всегда,
или вода нам приготовит ямы для могил.
Не смогут там расти цветы мечты
и в почве не найдут мистическую пищу,
которая им даст энергию цвести.
Да, время поглощает жизни мышцу,
а враг нам постоянно сердце гложет
и кровь сосет, и крепнет, и тревожит.

L'ennemi

(Charles Pierre Baudelaire)

Ma jeunesse ne fut qu'un tenebreux orage,
Travers; ca et la par de brillants soleils;
Le tonnerre et la pluie ont fait un tel ravage,
Qu'il reste en mon jardin bien peu de fruits vermeils.
Voilà que j'ai touche l'automne des idées
Et qu'il faut employer la pelle et les rateaux
Pour rassembler a neuf les terres inondees,
Ou l'eau creuse des trous grands comme des tombeaux.
Et qui sait si les fleurs nouvelles que je reve
Trouveront dans ce sol lave comme une Greve
Le mystique aliment qui ferait leur vigueur?
– O douleur! O douleur! Le Temps mange la vie,
Et l'obscur Ennemi qui nous ronge le coeur
Du sang que nous perdons croit et se fortifie!

Промелькнувшая мадам (Шарль Пьер Бодлер)

Шумела улица возле меня.
Худая, длинная фигура, воображаемая голь,
прошла своей попкой маня,
размахивая фестонами, приподнимая подол.
Её ноги, словно достоинство мечты,
я поглощал её прелестное создание,
мне стало плохо от женской красоты,
хотелось нежности и влекло желание.
Она была красotka, дивная звезда,
её глаза заставили меня остановиться.
Смогу ли я их видеть, хотя бы иногда,
ещё немного их видом насладиться.
Мы не знаем точно, как мы движемся, куда.
Я влюбился, она не узнает об этом никогда!

A une passante

(Charles Pierre Baudelaire)

La rue assourdissante autour de moi hurlait.
Longue, mince, en grand deuil, douleur majestueuse,
Une femme passa, d'une main fastueuse
Soulevant, balancant le feston et l'ourlet,
Agile et noble, avec sa jambe de statue.
Moi, je buvais, crispé comme un extravagant,
Dans son oeil, ciel livide ou germe l'ouragan,
La douceur qui fascine et le plaisir qui tue.
Un éclair.. puis la nuit! Fugitive beauté
Dont le regard m'a fait soudainement, renaitre,
Ne te verrai-je plus que dans l'éternité?
Ailleurs, bien loin d'ici! trop tard! jamais peut-être!
Car j'ignore où tu fuis, tu ne sais où je vais,
O toi que j'eusse aimée, o toi qui le savais!

Треснувший колокол (Шарль Пьер Бодлер)

В зимние ночи он горький и сладкий,
слушаешь его, сидя у огня камина
и вспоминаешь прошлое украдкой,
со звуком курантов в густом тумане.
Его медная гортань хранит могучий вой,
он созывает на молитву из всех веков,
звенит на службе, как старый часовой,
седым солдатам из полевых шатров.
В его душе есть трещина от бед и скуки,
он в жуткий холод издает ночные звуки,
но очень часто еле слышен его хрип,
в кровавой грудке мертвых, будто там,
стон раненых он слышит, кто забыт
и умирает из последних сил от ран.

La Cloche felee

(Charles Pierre Baudelaire)

Il est amer et doux, pendant les nuits d'hiver,
Decouter, pres du feu qui palpite et qui fume,
Les souvenirs lointains lentement selever
Au bruit des carillons qui chantent dans la brume.
Bienheureuse la cloche au gosier vigoureux
Qui, malgre sa vieillesse, alerte et bien portante,
Jette fidelement son cri religieux,
Ainsi qu'un vieux soldat qui veille sous la tente!
Moi, mon ame est felee, et lorsqu'en ses ennuis
Elle veut de ses chants peupler l'air froid des nuits,
Il arrive souvent que sa voix affaiblie
Semble le rale epais d'un blesse qu'on oublie
Au bord d'un lac de sang, sous un grand tas de morts
Et qui meurt, sans bouger, dans d'immenses efforts.

статуя

(Шарль Пьер Бодлер)

Ты прекрасна в каменной мечте,
грудь твоя избита взглядом вечным.
Нас вдохновляет в твоей красоте,
любовь немая, всегда бессердечная.
Ты выглядишь, как сфинкс в лазури,
лёд в сердце с лебединой белизной,
ненавидишь все движения в натуре,
не плачешь, оставаясь просто немой.
Поэтов восхищает нагота и грация
и то, что у тебя от изваяний гордых,
приводит потребителей к овации,
завлекая покорных и влюбленных.
Ты в чистых зеркалах есть обаяние,
в глазах бессонных вечное сияние.

La Beaute

(Charles Baudelaire)

Je suis belle, o mortels! comme un reve de pierre,
Et mon sein, ou chacun s'est meurtri tour a tour,
Est fait pour inspirer au poete un amour
Eternel et muet ainsi que la matiere.
Je trove dans l'azur comme un sphinx incompris,
J'unis un coeur de neige a la blancheur des cygnes,
Je hais le mouvement qui deplace les lignes,
Et jamais je ne pleure et jamais je ne ris.
Les poetes, devant mes grandes attitudes,
Que j'ai l'air d'emprunter aux plus fiers monuments,
Consumeront leurs jours en dausteres etudes,
Car j'ai, pour fasciner ces dociles amants,
De purs miroirs qui font toutes choses plus belles:
Mes yeux, mes larges yeux aux clartes eternelles!

Благородство

(Шарль Пьер Бодлер)

Над лесами, над морями,
выше гор, лесов и облаков,
вне эфира, там за небесами,
там где нет границ и берегов.
Разум движется в пространстве
и как рыба, чувствует себя в воде,
в неопишемом убранстве,
он блудит по глубинам в пустоте.
Берегитесь бактерий и болезней
и дышите только кислородом.
Деревья становятся полезней,
наполняя эликсир природы.
Кто на крыльях, счастлив неизбежно,
несёт печаль свою, как вес
и двигается дальше безмятежно,
туманом заряжая суть небес.
Мы легко воспринимаем мысли,
поднимаясь все время в небеса,
понимаем и парим над жизнью,
их немой язык, предметов голоса.

Elevation

(Charles Pierre Baudelaire)

Au-dessus des etangs, au-dessus des vallees,
Des montagnes, des bois, des nuages, des mers,
Par-dela le soleil, par-dela les ethers
Par-dela les confins des spheres etoilees,
Mon esprit, tu te meus avec agilite,
Et, comme un bon nageur qui se pame dans l'onde,
Tu sillonnes gaement l'immensite profonde
Avec une indicible et male volupte.
Envole-toi bien loin de ces miasmes morbides,
Va te purifier dans l'air superieur
Et bois, comme une pure et divine liqueur,
Le feu clair qui remplit les espaces limpides.
Derriere les ennuis et les sombres chagrins
Qui chargent de leur poids l'existence brumeuse,
Heureux celui qui peut d'une aile vigoureuse
S'elancer vers les champs lumineux et sereins,
Celui dont les penses, comme des alouettes,
Vers les cieux le matin prennent un libre essor,
– Qui plane sur la vie, et comprend sans effort
Le langage des fleurs et des choses muettes!

Музей изобразительных искусств. Брейгель (Уинстон Хью Оден)

Старые Мастера не ошибались никогда.
Они страдали, им было всё равно,
их позиция не зависела от времени всегда,
даже если кто-то ел, или открывал окно,
или шёл вперед. Невозможно это позабыть,
как пожилые люди трепетно ожидают крах,
чудесного рождения, которого могло не быть,
а дети, чтоб не случилось, катались на коньках,
на опушке леса, или где-то на пруду.
Они никогда не забывали про то,
что муки идут своим чередом, а в углу,
всегда есть неприятное место,
где гуляют собаки и лошадь мучительно,
царапает о дерево свою спину язвительно.
Например, у Брейгеля в Икаре: всё обернулось так,
что во время катастрофы ни пахарь, садовник, рыбак,
возможно и слышали всплеск, чей-то крик,
но для них это было неважным провалом.
Сияло жгучее солнце, именно в этот миг,
исчезали в зеленой пучине ноги Икара.
Вода, изысканный корабль спокоен на волнах,

с которого должно быть, кто-то и видал,
как с неба падал мальчик. Судьба терпела крах,
который никого не взволновал.

Musee des Beaux Arts. Bregel (Winston Auden)

About suffering they were never wrong,
The old Masters: how well they understood
Its human position: how it takes place
While someone else is eating or opening a window or just
walking dully along;
How, when the aged are reverently, passionately waiting
For the miraculous birth, there always must be
Children who did not specially want it to happen, skating
On a pond at the edge of the wood:
They never forgot
That even the dreadful martyrdom must run its course
Anyhow in a corner, some untidy spot
Where the dogs go on with their doggy life and the torturer's
horse
Scratches its innocent behind on a tree.
In Breughel's Icarus, for instance: how everything turns away
Quite leisurely from the disaster; the ploughman may
Have heard the splash, the forsaken cry,
But for him it was not an important failure; the sun shone
As it had to on the white legs disappearing into the green
Water, and the expensive delicate ship that must have seen
Something amazing, a boy falling out of the sky,
Had somewhere to get to and sailed calmly on.

Памяти У. Б. Йейтса (Уинстон Хью Оден)

Он умер, когда были зимние метели.
Ручьи промёрзли, аэропорты опустели,
а снег закрыл лицо известных статуй
и градусник тонул во рту истекших суток.
Мы доверяли и слышали прогноз погоды,
день его смерти был темный и холодный,
далекий от болезни и от скверных слов,
от стаи волков и вечнозеленых лесов.
Речушка текла вдоль набережной.
Плачь скорби продолжался набожный.
Смерть поэта скрывалась от его стихов,
то был его последний день, он был таков.
День медсестер, сплетен и слухов,
все части тела его восстали духом,
пустота заполнила всю площадь рассудка,
безмолвие поглотило окрестностей промежутки.
Потоки чувств текли в поклонников зов,
теперь он разбросан среди ста городов.
И полностью отдан незнакомым привязанностям,
чтоб найти счастье в новом лесу и быть наказанным,
по чужому кодексу совести. Так слова покойника
перевариваются в живых кишках спокойненько.
Но в шуме завтрашнего дня и значимости жизни,

где, как зверьё, ревут дельцы под сводом Биржи.
Страдания бедных справедливы для привыкшего народа,
ведь каждый в клетке самого себя, почти обрёл свободу.
Многие будут думать об этом дне,
как каждый думает о своей судьбе.
С любым прогнозом согласимся пригодным.
Его день смерти был мрачным и холодным.

In Memory of W. B. Yeats (Wystan Hugh Auden.)

He disappeared in the dead of winter:
The brooks were frozen, the airports almost deserted,
And snow disfigured the public statues;
The mercury sank in the mouth of the dying day.
What instruments we have agree
The day of his death was a dark cold day.
Far from his illness
The wolves ran on through the evergreen forests,
The peasant river was untempted by the fashionable quays;
By mourning tongues
The death of the poet was kept from his poems.
But for him it was his last afternoon as himself,
An afternoon of nurses and rumours;
The provinces of his body revolted,
The squares of his mind were empty,
Silence invaded the suburbs,
The current of his feeling failed; he became his admirers.
Now he is scattered among a hundred cities
And wholly given over to unfamiliar affections,
To find his happiness in another kind of wood
And be punished under a foreign code of conscience.
The words of a dead man
Are modified in the guts of the living.

But in the importance and noise of to-morrow
When the brokers are roaring like beasts on the floor of the
Bourse,
And the poor have the sufferings to which they are fairly
accustomed,
And each in the cell of himself is almost convinced of his
freedom,
A few thousand will think of this day
As one thinks of a day when one did something slightly
unusual.
What instruments we have agree

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.